

Руководящие кадры лесной промышленности в период предвоенной индустриализации

Евгений Воейков

Leading personnel of the forest industry during pre-war industrialization

Evgeny Voeikov

(Financial University under the Government of the Russian Federation,
Penza branch)

DOI: 10.31857/S086956870012479-7

В начале XXI в. в отечественной историографии активизировалось изучение промышленных предприятий, отраслей и индустриального развития России первой половины XX в.¹ Однако их руководители редко привлекают к себе внимание². Лишь отдельные черты их административного и хозяйственного стиля и опыта проанализированы в работах иностранных авторов³. В частности отмечено, что «управленцы и инженеры не были пассивными исполнителями приказов» и «даже после 1937 г. ... пытались повлиять на политику Сталина и иногда им это удавалось»⁴. К тому же, изучая промышленность 1930-х гг., историк сталкивается с парадоксальной ситуацией. В документах содержится информация о производственном процессе, площади жилого фонда предприятия (часто с точностью до десятых долей квадратного метра), количественном и качественном составе рабочих, трудностях их быта и особенностях досуга.

© 2020 г. Е.В. Воейков

¹ См., например: Журавлёв С.В., Мухин М.Ю. «Крепость социализма»: повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928—1938 гг. М., 2004; Маркевич А.М., Соколов А.К. «Магнитка» близ Садового кольца». Стимулы к работе на Московском заводе «Серп и молот», 1883—2001. М., 2005; Мухин М.Ю. Авиапромышленность СССР в 1921—1941 годах. М., 2006; Мухин М.Ю. Советская авиационная промышленность 1940-х гг. и первые реактивные самолеты // Российская история. 2016. № 4. С. 44—55; Постников С.П., Фельдман М.А. Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900—1941 гг. М., 2009; Кузьмина Т.Н., Шарошкин Н.А. Индустриальное развитие Поволжья. 1928 — июнь 1941 гг.: достижения, издержки, уроки. Пенза, 2005; Соколов А.К. От военпрома к ВПК: советская военная промышленность. 1917 — июнь 1941 гг. М., 2012; Чолахян В.А. Индустриальное развитие Нижнего Поволжья (конец XIX в. — июнь 1941 г.): исторический опыт и уроки. Саратов, 2007; Чолахян В.А. Роль директивного государственного планирования в реализации советской модели индустриализации в 1920—1930 годы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17. Вып. 2. С. 180—186.

² См., например: Гребенюк П.С. Руководящие кадры Дальстроя (1938—1945 годы) // Новый исторический вестник. 2016. № 3. С. 78—102; Калмыков И.А. Сталинский авиапром: «портрет» руководителя (на материалах Горьковской области) // Псковский военно-исторический вестник. 2017. Вып. 3. С. 165—170.

³ Rowney D.K. The scope, authority, and personnel of the new industrial Commissariats in historical context // Social dimensions of Soviet industrialization / Ed. by W.G. Rosenberg, L.H. Siegelbaum. Bloomington; Indianapolis, 1993. P. 124—145; Хоскинг Дж. История Советского Союза. 1917—1991. М., 1994. С. 159; Шаттенберг С. Инженеры Сталина: жизнь между техникой и террором в 1930-е годы. М., 2011. С. 187—250.

⁴ Davies R.W. The management of Soviet industry, 1928—41 // Social dimensions of Soviet industrialization. P. 105.

В то же время сведения, касающиеся руководящих кадров, приводятся в кратком виде и только по инженерам и техникам. Управленцы же, от которых преимущественно зависели ход и результативность производства (особенно в кризисные и переломные годы, когда наряду с исполнением вышестоящих указаний требовалось принятие нестандартных и творческих решений) словно бы остаются в тени, хотя фраза «кадры решают всё» стала одним из символов 1930-х гг. Да и в целом история — «наука о людях» и о «людях во времени»⁵.

Между тем подписи руководителей стояли на многочисленных документах, их фамилии указаны в списках участников различных ведомственных и партийных собраний, им объявляли выговоры, их снимали с должностей. Информацию о личностных и профессиональных характеристиках руководящих кадров — как общесоюзного (Наркомат лесной промышленности СССР, Управление лесами Наркомата земледелия СССР, Главное управление лесоохраны и лесонасаждений при Совнаркоме СССР), так и регионального (лесопромышленные и лесохозяйственные тресты, управления лесоохраны и их производственные единицы — леспромхозы, лесхозы и отдельные лесоучастки) уровня, а также о специфике работы в сложной, постоянно менявшейся обстановке предвоенных пятилеток, о бытовых условиях их жизни приходится собирать буквально «по крупицам» в годовых отчётах, материалах производственных совещаний и деловой переписке организаций. Сказывается и то, что история лесной промышленности СССР в значительной степени остаётся «белым пятном», а положение в отрасли в период массовых репрессий 1937—1938 гг. требует отдельного рассмотрения.

Исследование охватывает Куйбышевскую, Пензенскую и Саратовскую области, Татарскую и Мордовскую АССР. В 1930-е гг. осуществлялись постоянные реорганизации лесозаготовительных структур. Представление о них дают итоги производственной деятельности в завершающем году первой пятилетки: Наркомлес СССР — 54,9% общего объёма заготовок лесоматериалов, Наркомат путей сообщения — 10%, Союзлес Наркомата тяжёлой промышленности (Союзлеспромтяж) — 8,6%, Главлесхоз Наркомата земледелия — 6,5%, кооперативные организации — 4,5%, прочие лесозаготовители (отдельные предприятия и учреждения) — 15,5%⁶.

В первой половине 1930-х гг. основными в Поволжье являлись Средне-Волжский лесной трест «Средлес» (Наркомат тяжёлой промышленности), Средне-Волжский лесохозяйственный трест (Наркомзем СССР), трест «Москвотоп» (Наркомлес СССР), Татарский лесохозяйственный трест «Татлесхозтрест» (Наркомзем СССР), «Саратовлесхозтрест» (Наркомзем СССР). Как видно из приведённых данных, регион имел определённую специфику. Приближение к общесоюзной тенденции развития отрасли произошло в третьей пятилетке с распространением структур Наркомлеса. В 1936 г. на базе лесохозяйственных трестов Наркомзема были образованы тресты Наркомлеса («Куйбышевлес», «Татлес», «Саратовлес») и местные управления лесоохраны. В 1936—1939 гг. созданы Куйбышевское, Мордовское, Татарское, Саратовское, Пензенское управления лесоохраны и лесонасаждений. Производственные единицы трестов наркоматов тяжёлой и лесной промышленности назывались леспромхозами, аналогичные структуры трестов Наркомзема и управлений лесоохраны —

⁵ Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1986. С. 18.

⁶ Николаев С.А. Лесозаготовки во втором пятилетии // Лесная индустрия. 1934. № 11. С. 14.

лесхозами. Как правило, каждое такое хозяйство состояло из нескольких производственных участков или пунктов.

Значение лесопромышленности для экономики страны трудно переоценить. Экспорт этого рода материалов являлся важным источником валютных поступлений. Тресты вели заготовки деловой древесины, которая использовалась для строительства домов, изготовления телеграфных столбов, железнодорожных шпал, рудничных стоек, фанеры, мебели. В условиях дефицита жилья возведение домов барачного типа, складских помещений, столовых и клубов из брёвен и досок происходило быстрее, чем из кирпича, и обходилось значительно дешевле. Лесная промышленность, как и все другие отрасли народного хозяйства, была также связана с нуждами обороны. Так, материалы из древесины активно использовались при производстве самолётов с целью замены дефицитного алюминия⁷. Например, в годовом отчёте Пензенского леспромпхоза за 1936 г. упоминается «авиалипа»⁸. Введение в строй новых промышленных предприятий уже в первой пятилетке выявило недостаток существующих объёмов добычи основных видов топлива (нефти и каменного угля) и перегруженность железных дорог. Поэтому началось повсеместное внедрение местных видов топлива⁹. Если в 1932 г. дров было заготовлено 65,3 млн кубометров, то в 1940 г. — 128,2 млн. В 1937 г. их доля в топливном балансе СССР составляла 28,5%, уступая углю (46,6%), но превосходя нефть (17,3%)¹⁰.

Для оценки руководящих кадров использованы три основных критерия: 1) уровень общего образования (начальное, среднее, высшее) и наличие специального образования; 2) опыт (стаж) работы в отрасли и на руководящей должности; 3) выполнение плановых заданий и умение решать производственные проблемы.

Руководители уровня наркоматов и главков назначались по критерию стажа на советской и партийной работе. Так, из пяти глав Наркомлеса с 1932 по 1941 г. (С.С. Лобов, В.И. Иванов, М.И. Рыжов, Н.М. Анцелович, Ф.В. Сергеев) специального образования в лесном институте или техникуме не получил никто. Более того, только Иванов имел среднее образование, остальные — лишь базу начальной школы. Следует отметить, что это — общая проблема наркомов 1930-х гг. Например, М.М. Каганович — нарком оборонной, а затем авиационной промышленности — имел только начальное образование¹¹.

Второму критерию отвечали Лобов, работавший в руководстве ВСНХ с 1926 по 1930 гг., и Иванов, занимавший пост первого секретаря Северного крайкома ВКП(б) в 1931—1936 гг. Стаж в лесной отрасли имел только Сергеев (12 лет к моменту перевода в союзный наркомат)¹². Анцеловичу также приходилось иметь дело с проблемами лесных рабочих, хотя должность руководителя профсоюза работников земли и леса в 1920-х гг. не могла дать необходимых знаний и опыта работы, связанного с лесозаготовками. В результате пригод-

⁷ Мухин М.Ю. Авиапромышленность СССР в 1921—1941 годах. С. 176—179, 309, 311.

⁸ Государственный архив Пензенской области (далее — ГА ПО), ф. Р-430, оп. 1, д. 174, л. 22 об.

⁹ Подробнее см.: Воейков Е.В. «Торфяные пятилетки» в Поволжье — забытая страница истории 1930-х гг. // Российская история. 2010. № 2. С. 43—52.

¹⁰ История социалистической экономики СССР. Т. 4. М., 1978. С. 175; Т. 5. М., 1978. С. 292; Прост А.Е. Основные проблемы географического размещения топливного хозяйства СССР. М.; Л., 1939. С. 172, 322.

¹¹ Государственная власть СССР. Высшие органы власти и управления и их руководители. 1923—1991 гг. Историко-биографический справочник / Сост. В.И. Ивкин. М., 1999. С. 327.

¹² Там же. С. 86, 204—205, 321, 391, 504—505, 518—519.

ными к занятию должности всех пятерых наркомов можно считать только по наличию опыта руководящей работы. Наилучшие показатели в данном случае у Лобова и Анцеловича, которые ещё в 1920-х гг. занимали руководящие посты общероссийского и общесоюзного уровня. Работник со стажем в лесной промышленности Сергеев в данном аспекте уступал своим предшественникам. Руководителем крупного масштаба он стал только в 1938 г.; должность начальника лесопункта, которую он занимал с 1931 г., значительной назвать сложно. В леспромпхозе обычно существовало несколько лесопунктов; трест в 1930-х гг. мог насчитывать от пяти—шести до двух—трёх десятков леспромпхозов. «Ленлес», который Сергеев возглавил в 1938 г., входил в Главсевзаплес Наркомлеса. Таким образом, будущий нарком перескочил через несколько ступенек карьерной лестницы: сначала от директора мехлесопункта до управляющего трестом, затем от руководителя лесного треста одного из управлений до заместителя главы всей отрасли.

В качестве примера квалифицированного специалиста с многолетним опытом работы можно привести К.Х. Данишевского. Являясь членом ВКП(б) с дореволюционным стажем, он в 1921 г. возглавил Главный лесной комитет (Главлеском) — руководящий орган РСФСР по лесозаготовкам. Затем руководил созданным на его базе Центральным управлением лесной промышленности (ЦУЛП), в 1932—1936 гг. работал заместителем наркома лесной промышленности СССР¹³. Публикации характеризуют его как знатока своего дела¹⁴. Интересно отметить, что ни один из наркомов леспрома периода 1932—1941 гг. не оставил публикаций в виде научно-популярных работ или аналогичных статей в отраслевых журналах. Представляется, что на посту главы отрасли Данишевский принёс бы больше пользы стране. Именно его было бы уместно назначить наркомом в октябре 1936 г., после перевода Лобова на должность наркома пищевой промышленности РСФСР. Но ведомство возглавил глава Севкрайкома Иванов¹⁵. Налицо приоритет партийцев перед «хозяйственниками» при отборе на высшие посты.

Наличие некомпетентных в лесном деле руководителей не могло не сказываться на результатах лесозаготовок. Интересно оценить результативность управленцев по критерию успешности решения производственных задач. Лесопромышленность периодически срывала выполнение плановых заданий. В 1932 г. производственная программа по заготовкам деловой древесины оказалась выполнена на 72%, дров — на 81,3; по вывозке — на 71 и 87,4% соответственно. Неплохие результаты по заготовке показали тресты Украины и Белоруссии (96 и 99,6% плана), но по вывозке «Украинлес» и «Лесбел» выполнили только 87,8 и 79,6% программы. Наиболее крупные заготовители программу провалили: «Севлес» — 80,3% по заготовке и 85,6% по вывозке, «Кареллес» — 80,8 и 72,1%, «Ленлес» — 69 и 60,8%. Хуже всего выступили «Вятлес» (34,7% заготовки, 36,4% вывозки) и «Удмуртлес» (36,4 и 45,7%)¹⁶.

¹³ Центральный комитет КПСС, ВКП(б), РКП(б), РСДРП(б): историко-биографический справочник / Сост. Ю.В. Горячев. М., 2005. С. 189.

¹⁴ См.: Данишевский К.Х. Итоги и перспективы государственных дровозаготовок. М., 1921; Данишевский К.Х. Современное положение лесной промышленности (итоги и перспективы). Доклад СТО и ВСНХ. М., 1922; Данишевский К.Х. Летняя механизированная лесовывозка // Лесная промышленность. 1936. 19 марта.

¹⁵ Государственная власть СССР... С. 86, 321, 391.

¹⁶ Николаев Н. Итоги лесозаготовок 1932 г. // Лесопромышленное дело. 1933. № 8. С. 401—402.

В начале третьей пятилетки ситуация несколько ухудшилась: программу 1938 г. по заготовке деловой древесины Наркомлес выполнил на 59,8%, дров — на 61,9%; по вывозке — на 58,7 и 69,5% соответственно. По-прежнему прилично на общем фоне выглядели результаты УССР (103,3% по заготовке; 101% по вывозке) и БССР (92,5 и 88,5%). Ещё более ухудшили показатели заготовители Северной части страны, дававшие около трети всей лесопroduкции: «Главсевлес» (51,3 и 60,9%) и «Главсевзаплес» (66,8 и 62,8%). Наркомлес РСФСР, объединявший преимущественно лесные тресты Центральной части страны, Поволжья, Урала и Северного Кавказа, выполнил программу на 64,3 и 59,3% соответственно¹⁷.

Срыв планов отраслью рассматривался в постановлениях Совнаркома СССР¹⁸. Особое внимание обращалось на отстающие тресты, снижение количества постоянных рабочих, недостатки в использовании на лесозаготовках тракторов. «Системной работы Наркомлеса, его главных управлений, трестов по повышению эффективности функционирования лесопромышленного комплекса не наблюдалось... Невыполнение планов, потери древесины на лесосеках, в ходе сплава, обработки, приписки и искажение отчётности, финансовые убытки стали системными проблемами»¹⁹.

Однако было бы некорректно сводить провалы только к личностям руководителей. Не секрет, что плановые задания первых пятилеток часто составлялись без учёта реальных возможностей промышленности. На заготовках не хватало продовольствия, одежды. Поступления автотранспорта и темпы строительства специальных дорог отставали от резко выросших объёмов вывозки, к тому же степень технической надёжности выпускаемых заводами СССР автомобилей и тракторов оставляла желать лучшего²⁰. Но всё это не объясняет, почему на протяжении многих лет отдельные тресты хронически пребывали в числе отстающих, а другим при сопоставимых условиях и наличии общих для всей страны трудностей удавалось показывать неплохие результаты. Подбор же руководителей этого уровня лежал на наркоме и его заместителях.

В этой связи уместно обратиться к свидетельству очевидца. Корреспондент журнала «Лесопромышленное дело» в конце января — начале февраля 1930 г. провёл несколько дней в одном из лесопунктов треста «Камураллес» с заданием разобраться в причинах низких темпов заготовок. В Свердловске ему рассказали о совокупности объективных факторов, объяснявших невыполнение плана (недостаток рабсилы, вредительство кулаков, низкое техническое качество тракторов, плохое снабжение продовольствием). Сам же журналист, оценив ситуацию на месте, написал о непродуманной прокладке лесовозной дороги, из-за чего возникали заторы, постоянных многочасовых очередях рабочих в

¹⁷ РГАЭ, ф. 7637, оп. 1, д. 1492, л. 1, 2.

¹⁸ О работе Народного комиссариата лесной промышленности по заготовке и вывозке леса // Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства Союза Советских Социалистических республик. 1933. Ст. 112. 11 марта; О недостатках в работе Народного комиссариата лесной промышленности в области лесозаготовок и лесосплава и о мерах её улучшения. М., 1935. С. 2—5.

¹⁹ Зыкин И.В. Народный комиссариат лесной промышленности Советского Союза в 1932—1940 годах и проблемы выполнения плановых заданий // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. 2019. Т. 29. № 4. С. 633.

²⁰ Например, в стенограмме радиопереклички о ходе лесозаготовок по системе Наркомлеса СССР в ноябре 1936 г. сохранилось упоминание о 250 тракторах, которые «не отремонтированы» (РГАЭ, ф. 7637, оп. 1, д. 29, л. 8).

конторе лесопункта, отсутствии пропаганды опыта передовых бригад лесорубов, неумении организовать ремонт тракторов. Его вывод звучал решительно: «Нет, я окончательно перестаю верить в объективные причины»²¹.

В 1920-х гг. на общесоюзном уровне лесным хозяйством руководило Центральное управление лесов (ЦУЛ) при Наркомате земледелия СССР. В 1931 г. его преобразовали в Главлесхоз Наркомзема. В первой половине 1930-х гг. среди руководителей управления по критериям «образование» и «стаж работы в данной отрасли» наблюдался определённый регресс по сравнению с первым главой ЦУЛа, профессором Петербургского лесного института Н.И. Фалеевым (1918—1923). Главлесхоз возглавляли А. Гриневиц (1931) и С.Я. Багдатов (1931—1933) — большевики с многолетним стажем, не имевшие лесного образования²². Результаты руководства партфункционеров проявились почти сразу: планы работ не выполнялись. Постановление комиссии исполнения при СНК СССР 13 апреля 1933 г. констатировало срыв программы заготовок наркоматами путей сообщения, тяжёлой промышленности и земледелия²³.

Отсутствие специалистов и лиц, имевших опыт работы в лесном хозяйстве, осложняло подбор руководящих кадров на местах. Например, докладная записка Средне-Волжского краевого планового управления, составленная весной 1934 г. по материалам проверки, констатировала срыв планов из-за «полного неумения» руководителей краевого лесхозтреста²⁴. Показателен акт обследования специальной комиссией лесной охраны Борского лесхоза Средне-Волжского лесхозтреста от 21 сентября 1935 г. Лесной массив Бузулукский Бор расположен на территории современных Самарской и Оренбургской областей, является уникальным памятником природы, он привлекал внимание учёных и специалистов ещё со второй половины XIX в. С 1931 г. в соответствии с постановлением правительства он находился в «лесокультурной зоне», где рубки должны вестись с приоритетом интересов лесного хозяйства, а не промышленности, как в зоне Правобережья Волги.

Комиссия констатировала: «Мероприятий по уходу за лесом в 1934 г. не проводилось совершенно, хотя лесхозу был дан план проведения этих работ... По всем учлесхозам в молодняках, культурах и на вырубках проводится пастьба скота, причём во всех случаях, обнаруженных нами, скот оказался принадлежащим работникам учлесхозов... Постановления СНК СССР от 31.07.1931 г. о лесокультурной зоне лесхоз не имеет. Препопанных Главлесупром в 1933 г. правил санитарного минимума в лесу лесхоз также не имеет»²⁵. Как видно, руководство лесхоза не знало об особой ценности вырубаемых массивов. Непонятно также, почему здесь не сочли нужным хранить документы с основной нормативной базой своей деятельности. Уровня образования у работников лесхоза не хватило даже для того, чтобы не уничтожать пастьбой собственного скота молодые посадки на вырубленных площадях.

Ситуация изменилась к лучшему после образования в 1936 г. Главного управления лесоохраны. Его возглавил И.К. Якимович, ранее возглавляв-

²¹ Немковский. «Объективные причины» // Лесопромышленное дело. 1930. № 2. С. 125—128.

²² Двухсотлетие учреждения лесного департамента. 1798—1998. Т. 2 (1898—1998). М., 1998. С. 230; Колданов В.Я. Очерки истории советского лесного хозяйства. М., 1992. С. 81.

²³ Собрание законов и распоряжений... Ст. 150. 13 апреля.

²⁴ Самарский областной государственный архив социально-политической истории (далее — СОГАСПИ), ф. 1141, оп. 40, д. 144, л. 7.

²⁵ Центральный государственный архив Самарской области, ф. Р-751, оп. 9, д. 145, л. 33.

ший Главлесхоз (1933—1936). Заместителями стали бывший руководитель ЦУЛа А.И. Шульц (1923—1931) и опытный работник, специалист лесного дела В.М. Соловьёв, главным лесничим — доктор сельскохозяйственных наук А.В. Тюрин. Ведущие отделы возглавили авторитетные лесоводы С.П. Быков, В.И. Гольденберг, И.В. Горячев, М.К. Ефименко. Во главе областных управлений лесоохраны появились руководители с профильным образованием. Осенью 1937 г. пост начальника Главлесоохраны занял специалист по лесоустройству Г.П. Мотовилов, его заместителями стали научный работник Л.А. Кошечев и бывший директор Воронежского лесотехнического института Г.С. Рычков²⁶.

Это способствовало эффективной работе территориальных структур в различных регионах СССР. В Поволжье в третьей пятилетке успешно функционировали Саратовское, Средне-Волжское (Куйбышевское), Татарское управления лесоохраны и лесонасаждений. Их деятельность в 1938—1940 гг., как по заготовкам, так и в сфере охраны и восстановления лесов, контрастировала с хроническими ранее срывами планов заготовок Средне-Волжского треста и повсеместным катастрофическим отставанием восстановительных работ в Средне-Волжском крае и Татарской АССР. В Куйбышевской и Саратовской областях объёмы ежегодных посадок возросли примерно втрое. Заметно улучшилась ситуация с очисткой лесосек, сократилось количество пожаров²⁷.

Однако не хватало не только лиц со специальным или инженерным образованием, но и вообще грамотных людей. В 1937 г. среднее образование имели всего 4,9% населения СССР, высшее — 0,6%; в 1939 г. по РСФСР соотношение — 7,7 и 0,7%²⁸. Поэтому подбор профессионалов на должности руководителей леспромхозов, лесхозов, располагавшихся чаще всего в сельской местности, где уровень грамотности был ниже, чем в городе, оставался трудноразрешимой задачей. Зачастую эти структуры возглавляли лица, не имевшие не только высшего, но и среднего образования. Так, в 1933 г. Наркомлес СССР провёл обследование директоров 216 леспромхозов по основным трестам. Высшее образование имели 12 человек (5,5%), среднее — 51 (23,6%)²⁹.

Более подробные сведения об образовательном уровне региональных руководящих кадров сохранились по лесхозам территориальных управлений лесоохраны Поволжья второй половины 1930-х гг. В Саратовской обл. в 1939 г. из 15 директоров лесхозов высшее образование имели четверо, среднее — двое, низшее — девять человек. В Куйбышевском управлении лесоохраны в 1940 г. из 31 директора высшее образование имели двое, ещё трое — незаконченное высшее, 10 человек — среднее. В Татарском управлении в 1938 г. из 31 директора лесхоза высшее образование было у троих, среднее — у девяти. В Мордовском в 1938 г. из шести директоров лесхозов высшее образование имел один, остальные пять — низшее³⁰. Таким образом, в третьей пятилетке наилучшие показатели

²⁶ Колданов В.Я. Очерки истории советского лесного хозяйства. С. 95, 97.

²⁷ Подробнее см.: *Воейков Е.В.* Деятельность Саратовского управления лесоохраны и лесонасаждений и состояние лесного фонда Саратовской области в предвоенные годы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. История. Международные отношения. 2016. Т. 16. Вып. 4. С. 481—488; *Воейков Е.В.* Экологические проблемы Среднего Поволжья в годы первых пятилеток (на примере состояния лесов региона) // Отечественная история. 2007. № 5. С. 145—153.

²⁸ Население России в XX веке. В 3 т. Т. 1. М., 2000. С. 390, 391.

²⁹ *Маликович З.В., Сухинин Д.Т.* Укрепить руководящие кадры на лесозаготовках // Лесопромышленное дело. 1933. № 12. С. 575.

³⁰ См.: РГАЭ, ф. 9449, оп. 1, д. 343, л. 190; д. 414, л. 184; Государственный архив Саратовской области (далее — ГА СО), ф. Р-2168, оп. 3, д. 21, л. 95; Центральный государственный архив Республики Мордовия (далее — ЦГА РМ), ф. Р-1496, оп. 1, д. 9, л. 289.

отмечались в Куйбышевской и Саратовской областях, где люди с высшим и средним образованием среди директоров лесхозов составляли, соответственно, 48,4 и 40%. В Татарской АССР ситуация почти соответствовала саратовскому уровню — 38,7%, хуже всего дело обстояло в Мордовской АССР (16,7%). Поскольку большая часть региональных структур Главлесоохраны создавалась на основе ликвидированных в 1936 г. лесохозяйственных трестов, то данные по образовательному уровню можно с определённой погрешностью отнести к основному составу директорского корпуса леспромхозов Наркомлеса середины 1930-х гг. и считать соответствующими общесоюзной картине нехватки лиц с высшим образованием.

В результате при назначении на руководящую должность «правильное» происхождение, партийность и проявленные качества успешного управленца имели приоритет перед образованием и стажем работы в профильной отрасли промышленности. В августе 1937 г. после снятия за срыв плана заготовок предыдущего руководителя Черемшанского леспромхоза на должность директора был выдвинут И.Ф. Куркин, образование которого составляла неоконченная сельская школа. В графе анкеты «социальное происхождение» указано «крестьянин». С 1931 г. работал лесником в Мелекесском лесхозе, в 1934 г. стал начальником пункта в тамошнем леспромхозе. Управляющий трестом «Куйбышевлес» в направленной в обком ВКП(б) докладной записке выделил критерии, в соответствии с которыми данный работник рекомендовался на руководящий пост: член партии с 1932 г., имеет «большой опыт работы в лесной промышленности», проявил себя как «хороший руководитель-хозяйственник»³¹. Как видно, на руководящей работе Куркин пробыл не более четырёх лет, поэтому «большой опыт» работы на лесозаготовках вызывает сомнения. Вероятно, ему действительно удалось зарекомендовать себя в качестве успешного управленца на своём участке. В данном эпизоде обращает на себя внимание ещё и тот факт, что перед назначением директора леспромхоза руководитель регионального треста Наркомлеса был обязан получить санкцию обкома ВКП(б) своей области.

В Поволжье среди директорского корпуса леспрома преобладали хозяйственники, зарекомендовавшие себя в какой-либо отрасли промышленности, или представители партийно-советской номенклатуры, которых переводили на руководящие посты в тресты, леспромхозы и лесхозы. Как пример успешного руководителя можно привести управляющего трестом «Средлес» Э.П. Детлова. Специального образования он не получил; перед нами типичный пример «хозяйственника» — способного руководителя, выдвинувшегося за счёт хороших организаторских способностей и умения решать проблемы. Судя по написанным им приказам и докладным запискам, его образование было не ниже среднего, документы характеризуют его как грамотного и творчески мыслящего работника³². Опыт работы в отрасли для 1930-х гг. можно считать вполне достаточным: ещё во второй половине 1920-х гг. он хорошо показал себя, возглавляя «Ульяновсклес»³³. После объединения трестов Ульяновской и Пензенской губерний в 1927 г. стал управляющим «Средлеса», который являлся крупнейшим трестом региона. В середине 1930-х гг. он насчитывал свыше 20 тыс. ра-

³¹ СОГАСПИ, ф. 656, оп. 28, д. 294, л. 67, 71—71 об.

³² Там же, ф. 1141, оп. 40, д. 144, л. 17—18.

³³ Государственный архив Ульяновской области (далее — ГА УО), ф. Р-91, оп. 1, д. 294, л. 17; д. 595, л. 1.

бочих и служащих, действовал на территории бывших Пензенской, Самарской и Ульяновской губерний, вошедших в состав Средне-Волжского края. Для управления таким громадным хозяйством требовались качества незаурядного администратора. Добиться перелома в работе треста, хронически срывавшего выполнение производственной программы, Детлову удалось в 1935—1936 гг., когда «Средлес» план по лесозаготовкам перевыполнил³⁴.

До этого, в 1933—1934 гг., его начальство самостоятельно сумело почти полностью ликвидировать образовавшиеся на лесосеках огромные запасы заготовленной древесины, которая постепенно портилась и приходила в негодность. Однако главк «Леспромтяж» Наркомата тяжёлой промышленности, в системе которого функционировал «Средлес», от участия в решении вопроса устранился и проблемы недостаточности спускаемой сверху нормы фуража для лошадей, дефицита запчастей для автотранспорта и выделяемых средств на посадку леса, закладку питомников и уход за саженцами Детлову, несмотря на оживлённую переписку и визиты в Москву, решить не удалось. В ноябре 1934 г. после очередной поездки, вероятно, в приступе депрессии он написал резкое письмо руководству с выражениями типа «лошади не могут дожидаться конца нашей с вами дискуссии», «запчастями трест снабжается чисто случайно, в зависимости от удачи», «мы не можем работать на тех случайных подачках, которые нам удаётся выклянчить»³⁵. Развёрнуто ситуацию Детлов изложил в докладной записке Средне-Волжскому крайкому ВКП(б), в заключение попросив освободить его от занимаемой должности. Однако отставка принята не была.

Отдавая должное сложной и ответственной работе управляющих трестами, необходимо отметить и громадный вклад в развитие отрасли директоров леспромхозов и лесхозов, на плечах которых лежал тяжкий груз неблагодарной работы по непосредственной организации производственного процесса. Наиболее подробные сведения сохранились в отчётах «Средлеса». В 1935—1937 гг. регулярно перевыполняли планы Барышский, Инзенский, Карсунский, Кузнецкий, Николо-Пестровский, Пензенский, Ульяновский леспромхозы³⁶, в чём, наряду с безусловной заслугой тысяч оставшихся безымянными лесорубов и возчиков, можно усмотреть и значительный вклад руководителей данных хозяйств.

Так, осенью 1932 г. вместо снятого с должности за ряд злоупотреблений прежнего руководителя директором Пензенского леспромхоза был назначен С.А. Остапчук, проявивший себя способным «хозяйственником» и организатором. Под его руководством хозяйство успешно выполнило плановые задания 1933—1937 гг. Улучшились жилищные условия рабочих, наладилась работа доско-рельсовых дорог. Заместителем директора работал специалист по лесозаготовкам В.И. Карабанович, уделявший значительное внимание очистке лесосек и лесовосстановительным мероприятиям, что было редкостью среди руководящего корпуса трестов. В апреле 1937 г. Остапчук стал директором Кузнецкого леспромхоза (одного из крупнейших в тресте), а в Пензе его заменил Карабанович, проработавший вплоть до ликвидации хозяйства в начале 1938 г.³⁷

³⁴ Там же, ф. Р-1810, оп. 3, д. 12, л. 46; д. 13, л. 282; д. 14, л. 148.

³⁵ СОГАСПИ, ф. 1141, оп. 40, д. 144, л. 1—3.

³⁶ ГА УО, ф. Р-1810, оп. 3, д. 12, л. 64 об.; д. 13, л. 282 об.; д. 14, л. 150.

³⁷ ГА ПО, ф. Р-430, оп. 1, д. 216, л. 164, 169.

Впрочем, регулярно находились и профессионально некомпетентные руководители. В заключении о работе лесной промышленности области за 1936 г. подчёркивалось: «Плохая работа механизированного транспорта является следствием плохого руководства со стороны треста “Куйбышевлес”, так как трест был полностью обеспечен мехтранспортом». Далее при сравнении результатов работы по сплаву древесины подчёркивалось, что трест «Средлес» план выполнил на 102,7%, «Куйбышевлес» — на 77,1%. «Однако, несмотря на засушливое лето, тресту “Средлес”, работавшему в одинаковых условиях с “Куйбышевлесом”, удалось не только выполнить, но и перевыполнить план по сплаву»³⁸. В мае 1937 г. за перевод деловой древесины в дрова и «за бездушное отношение к нуждам рабочих» был снят с работы заведующий Пугачёвским участком Пензенского леспромхоза «Средлес». В постановлении общего собрания работников треста «Саратовлес» от 9 февраля 1938 г. по итогам работы 1937 г. записано: «Кадр руководителей лесопунктов подбирался без серьёзного подхода к изучению назначенных лиц, в результате чего некоторые начальники разваливали работу... их пришлось снять при первой же ревизии»³⁹. В Тетюшском леспромхозе треста «Татлес» директор с удивлением обнаружил, что один из специалистов по лесозаготовкам не может вычислить процент от общего количества. Директор Заинского леспромхоза того же треста жаловался, что один из начальников лесопунктов «не знает совершенно лесного дела, был раньше продавцом в винной лавке»⁴⁰.

Проблему руководство СССР осознавало. Для преодоления дефицита кадров директорского корпуса и ИТР в годы первой пятилетки началось расширение сети учебных заведений. Специалистов готовили образованные в Поволжье в 1920-е гг. лесные техникумы, увеличившие в 1930-х гг. приём учащихся. Например, в Средне-Волжском крае на базе бывшего техникума в с. Ахуны в 1930—1931 гг. появился Пензенский лесотехнический институт. Во второй пятилетке его снова преобразовали в техникум⁴¹. К началу 1936 г., за 15 лет существования этого учебного заведения, отрасль получила 740 техников-лесоводов⁴².

Новым явлением тех лет стало активное вовлечение в производство женщин. Редким примером управленца из них стала Е.Д. Пазова. В 1932 г. она начала административную карьеру в должности председателя сельсовета. Затем её выдвинули на работу в районную администрацию и почти сразу назначили руководителем лесхоза. Она вспоминала об этом так: «Я не знала, что такое лесхоз», но «в райкоме мне заявили — научись»⁴³. В данном эпизоде снова обращает на себя внимание роль партийных органов при назначении руководителей. Из-за недостатка знаний Пазову послали на специальные курсы. На совещании хозяйственного и партийного актива лесной промышленности Куйбышевской обл. в октябре 1937 г. Пазова присутствовала в должности директора Мелекесского леспромхоза «Куйбышевлеса». В 1938 г. она стала

³⁸ СОГАСПИ, ф. 656, оп. 28, д. 294, л. 25 об., 26.

³⁹ ГА ПО, ф. Р-430, оп. 1, д. 173, л. 12; ГА СО, ф. Р-2052, оп. 20, д. 1346, л. 5.

⁴⁰ Национальный архив Республики Татарстан (далее — НА РТ), ф. Р-4571, оп. 1, д. 24, л. 52, 54.

⁴¹ См.: Итоги первого месяца учебной работы института // Лестехкадры. 1931. 7 ноября; Перспективы развития ПЛТН // Лестехкадры. 1932. 16 сентября.

⁴² 15-летие Пензенского лесного техникума // Лесная промышленность. 1936. 15 апреля.

⁴³ СОГАСПИ, ф. 656, оп. 28, д. 258, л. 62.

руководителем Куйбышевского леспромхоза, а вскоре пошла на повышение и возглавила трест «Куйбышевлес»⁴⁴.

В 1930-х гг. руководители региональных промышленных предприятий и трестов параллельно с огромным объёмом непосредственных служебных обязанностей приобрели и дополнительные функции. Периодически они «угоняли» председателей колхозов выделить рабочую силу на лесозаготовки (в большинстве трестов и других заготовительных организаций основную массу лесорубов и возчиков составляли пришедшие на заработки жители сельской местности), отыскивали в местных снабженческих организациях таинственно исчезнувшие продовольствие и промтовары, изобретали неформальные способы достать дефицитные запчасти для простаивающих автомашин и тракторов. Период индустриализации стал также временем усиления роли партийных и советских структур в хозяйственной жизни. Поторопиться колхозы с выполнением договоров на поставку рабочей силы и разобраться с продовольствием и промтоварами в ряде случаев могли райкомы и райисполкомы. И практически мгновенно проблемы решались, если в ситуацию вмешивалось руководство областных парторганов. Поэтому именно в 1930-х гг. сформировалась специфическая система отношений руководителей на местах, основанная на личных связях. Директорский корпус промышленности старался наладить более дружественные отношения с партийным и советским руководством на всех уровнях.

Такого рода примеры привёл работник треста «Средлес» на первой областной конференции Куйбышевского обкома профсоюза рабочих леса и сплава 5—10 октября 1937 г. Бывший заместитель управляющего трестом и временно исполняющий обязанности руководителя треста И.М. Красильщиков имел «хорошие отношения с Шубриковым», выразившиеся в том, что они вместе ездили на охоту и кататься на катере⁴⁵. В.П. Шубриков с 1932 до 1937 г. занимал пост первого секретаря Средне-Волжского (Куйбышевского) крайкома ВКП(б), т.е. фактически являлся первым лицом в своём административно-территориальном образовании. Неформальные контакты такого уровня для руководства обычного промышленного треста имели значение, которое в тех условиях трудно переоценить. Для поддержания устойчивых личных связей с партийно-советской номенклатурой руководящим кадрам промышленности в регионах приходилось идти и на сознательные нарушения, граничившие с должностными преступлениями. Показательный факт содержится в материалах обследования треста «Средлес» (1937): «Для строительства дач крайисполкома на Белом озере Кузнецкого района по распоряжению Красильщикова отпускался без нарядов лесоматериал самого лучшего качества (столярного)»⁴⁶. Завязывались личные связи и на уровне руководителей районного масштаба. Результат таких взаимоотношений в отдельных случаях мог оказать заметное воздействие на ситуацию в конкретном леспромхозе. Так, на совещании работников «Средлеса» 10 ноября 1938 г. начальник Куйбышевского леспродтяжа заявил: очень многое зависит от личных контактов директора леспромхоза и работников данной организации на местах, поэтому в Кузнецком леспромхозе большая часть товаров попадала к рабочим, в то время как в Майнском, Сенигилеевском и Краснослободском товары до них почти не доходили⁴⁷.

⁴⁴ Там же, оп. 30, д. 474, л. 259 об.

⁴⁵ Там же, ф. 9452, оп. 1, д. 1, л. 214.

⁴⁶ Там же, ф. 656, оп. 28, д. 293, л. 59.

⁴⁷ Там же, оп. 29, д. 23, л. 58 об.

В то же время руководители лесопромышленности испытывали на себе прессинг со стороны вышестоящих структур. Чаще всего директоров лесхозов и леспромхозов наказывали за невыполнение плановых показателей. Иногда им приходилось расставаться с партбилетом или с занимаемой должностью. Так, в 1931 г. из-за неудовлетворительного хода заготовок заменили руководство в Барышском, Бузулукском, Кузоватовском, Мелекесском леспромхозах «Средлеса»⁴⁸. С учётом того, что данный трест в начале 1930-х гг. насчитывал в своём составе 34 хозяйства, кадровые перестановки коснулись 11,7% производственных структур основной заготовительной организации Средней Волги.

Обычной формой порицания являлись выговоры. Например, в феврале 1931 г. его объявили руководителям Жигулёвского, Промзинского, Сергиевского и Чуфаровского леспромхозов треста «Средлес», директора Мелекесского вдобавок сняли с работы⁴⁹. В решении Мордовского обкома подчёркивалось: «Обком категорически предупреждает директоров леспромхозов, что срыв выполнения программы по лесовывозке и лесоразработкам повлечёт за собой исключение из партии и отдачу под суд... За позорные темпы выполнения программы лесовывозки объявить строгий выговор директору Саранского леспромхоза т. Касаткину. Директорам Ардатовского леспромхоза т. Мефодьеву и Дубенского т. Семёнову объявить выговор»⁵⁰. В отдельных случаях выговоры следовали так часто, что их переставали воспринимать всерьёз. Так, директор Камского леспромхоза треста «Татлес» на совещании 21—22 октября 1939 г. жаловался: «Я работаю в леспромхозе шесть месяцев и получил уже около пяти выговоров»⁵¹.

Невысокий культурный уровень и профессиональная безграмотность в сочетании со слабыми моральными устоями части руководителей лесопромышленности Поволжья приводили к распространению в их среде негативных явлений. На Мордовской областной партконференции глава райкома привёл информацию о злоупотреблениях руководителей Ичалковского леспромхоза, которые, по его утверждению, занимались «сплошной пьянкой» и «половой распущенностью»⁵². Директор Тетюшского леспромхоза треста «Татлес» Карпов взял с собой в командировку в Казань сотрудницу, с которой имел служебный роман. Решением партийного собрания за этот случай и срыв плана заготовки его исключили из партии⁵³. Работник обкома, проводивший в 1938 г. проверку Куйбышевского леспромхоза треста «Куйбышевлес», удивился, встретив в Ново-Бинарадском лесопункте в разгар рабочего дня пьяных начальника данного участка и завхоза. Подобные факты были типичны для данного хозяйства. На январском совещании 1939 г. приводилась следующая статистика: во всех пяти лесопунктах руководство сменилось от двух до пяти раз преимущественно

⁴⁸ Вот они, печальные плоды оппортунизма на практике // Борьба за лес. 1931. 7 января; Право-«леваки» элементы потерпели поражение // Там же. 5 мая; Решение комиссии исполнения при Крайисполкоме от 26 января по докладу Средлеса и содокладу РКИ о ходе лесозаготовок // Там же. 7 февраля.

⁴⁹ Решение комиссии исполнения при Крайисполкоме от 26 января...

⁵⁰ О ходе выполнения программы по лесовывозке и лесозаготовкам. Постановление бюро Мордовского обкома ВКП(б) от 11 февраля 1933 г. // Красная Мордовия. 1933. 20 февраля.

⁵¹ НА РТ, ф. Р-6952, оп. 1, д. 2, л. 99.

⁵² IV областная партконференция. Тов. Рябов. Больше внимания лесному хозяйству // Красная Мордовия. 1934. 11 января.

⁵³ Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан, ф. 308, оп. 1, д. 1, л. 13—18.

но по причине пьянства⁵⁴. В Старо-Майнском леспромхозе треста «Средлес» весной 1937 г. из-за ушедшего в запой начальника участка остались расплавленными 7 тыс. кубометров лесоматериалов, в Казанском леспромхозе треста «Татлес» в июле 1937 г. начальник Краснооктябрьского лесопункта в состоянии алкогольного опьянения способствовал поломке грузового автомобиля⁵⁵. Пьянство временами перерастало в хронический алкоголизм. По этой причине один из директоров не смог присутствовать на совещании актива треста «Татлес» в сентябре 1938 г. Когда дошла очередь до его выступления, он отсутствовал; в стенограмме записана реплика с места: «Запишите, что он пьяный! Если нужно, то люди подтвердят»⁵⁶.

Допускались злоупотребления служебным положением. В 1935 г. директор Саранского леспромхоза треста «Средлес» Я.Г. Купряшкин получил сверх положенного ему продовольственного пайка четыре литра подсолнечного масла, несколько килограмм сахара и другие продукты; сделавшего ему замечание о недопустимости подобных поступков представителя рабочего контроля бухгалтера Г.Н. Владимирова вскоре по инициативе директора уволили⁵⁷. Материалы проверки, проведённой Ново-Малыклинским райкомом ВКП(б) в 1936 г., показали, что руководитель Черемшанского леспромхоза треста «Средлес» Н.И. Исаев расходовал крупные суммы на выдачу премий отдельным руководящим работникам при наличии задолженности колхозам и недостаточном материальном поощрении рабочих⁵⁸. Подобные примеры далеко не единичны.

Подводя итоги реконструкции «портрета» руководителя лесной отрасли, необходимо, прежде всего, отметить противоречивость профессионального и личного образа. На ключевые посты назначались преимущественно не специалисты-профессионалы, а люди, проверенные на многолетней партийно-хозяйственной работе. При этом иногда оказывалось, что руководить лесной промышленностью всей страны может хозяйственник с образованием уровня начальной школы, а директором леспромхоза на протяжении ряда лет работать человек, страдающий алкоголизмом. «Когда страна быть прикажет героем, у нас героем становится любой», — пелось в популярной песне тех лет. К сожалению, на практике такой курс не мог не привести к многочисленным просчётам и ошибкам: срыву планов, неэффективному использованию денежных средств, продовольствия, материалов, злоупотреблению алкоголем и служебным положением. Достижения отрасли часто обеспечивались громадными затратами людских и материальных ресурсов и самоотверженной работой сотен тысяч человек в ужасающих даже по тогдашним меркам условиях. В то же время в столь напряжённой обстановке происходил «естественный отбор». Формировался слой «хозяйственников», выдвинувшихся на руководящие должности за счёт успехов «на фронте лесозаготовок». Именно им частично удавалось компенсировать провалы малограмотных и профнепригодных управленцев на всех уровнях.

⁵⁴ СОГАСПИ, ф. 656, оп. 30, д. 474, л. 70, 259 об.

⁵⁵ НА РТ, ф. Р-4571, оп. 1, д. 24, л. 38 об., 48; д. 25, л. 51; СОГАСПИ, ф. 656, оп. 28, д. 258, л. 25 об.

⁵⁶ НА РТ, ф. Р-4571, оп. 1, д. 72, л. 107 об.

⁵⁷ ЦГА РМ, ф. П-344, оп. 1, д. 8, л. 72.

⁵⁸ СОГАСПИ, ф. 656, оп. 28, д. 294, л. 68—69.